

гал, что Милорадович привел не больше 30-ти тысяч.

— «Впоследствии», — пишет Коленкур, — «оказалось, что Милорадович привел всего 15 тысяч человек».

Был казак Наполеоном отпущен на свободу, как об этом пишет Тьер, или не был, ген. Коленкур ничего не говорит.

То обстоятельство, что казак получил от императора в подарок коня, говорит как будто о том, что он был отпущен на свободу.

Из ответов рядового казака Наполеону вытекают следующие выводы:

1) в 1812 году, т. е. 126 лет тому назад, по своему культурному уровню казаки были не ниже революционных солдат Франции.

2) Между казаками и русскими была проведена четкая грань, и казаки с русскими себя не смешивали. Не смешивали казаков с русскими и французы и даже сами русские. Одним словом, в 1812 году никому и в голову не приходило считать казаков за беглых московских крестьян.

3) Свой долг по отношению к России казаки ограничивали исключительно долгом перед царем, как перед высшим правителем, которому они присягали на верность. Кроме того, они требовали от царя, чтобы он был еще и хорошим: «Казаки будут драться под Москвою за царя Александра, потому что он хороший царь». Отечеством же своим они считали — Дон.

4) Гибель России, по мнению тогдашних казаков, не могла повлечь за собою гибели Дона: «Если русская армия будет разбита», — го-

ворит казак, — «то Россия погибнет. Если же французы пойдут в наши края, то казаки присоединятся к Наполеону». Очевидно, что если бы французы на Дон не пошли, а Россия погибла бы, то казаки устроили бы на Дону свое государство.

5) Что касается русской армии, то казаки отлично знали, что без них Наполеон без задержки прошел бы всю Россию. «Теперь были бы уж в Казани», — говорит казак Наполеону под Гжатском утром 1 сентября 1812 года.

6) Но если бы казаки были бы на стороне французов, то Наполеон «давно был бы китайским императором», т. е. завоевал бы все земли от берегов Атлантического океана до берегов Великого океана.

7) Из всех французских генералов они больше всего любили неаполитанского короля Мюрата за то, что он был хорошо одет и всегда был первым в «огне».

8) О русских генералах казаки были самого низкого мнения, потому что они никогда на аванпостах не были и о солдатах не заботились, а заботились только о сне на мягких подушках.

9) Наконец, от негра, повара ген. Платова, казаки узнавали о том, как два-три донских, обедавших вместе с Платовым, генерала вели между собою вечную борьбу из за наград и, таким образом, уже тогда, как это делали русские генералы, стали забывать про пужды своих казаков ради либо чина, либо ордена, либо повышения по службе.

М. Д. Ильин.

С. БАЛЬКОВ.

## И з г и б ы

(ПАМЯТИ РОДНЫХ ЗЮНГАРЦЕВ, ПАВШИХ В БОЯХ, ПОСВЯЩАЮ).

(Окончание\*).

В хуторе была та хорошая пора, когда сенокос был окончен, хлеба еще не зрели, а кони и люди свободны. На свадьбу Замбы съехались все дальние и ближние родственники со стороны отца и матери. Женитьба парня или выдача девицы это — дело всего рода. Каждый обязан принять участие и чем-либо помочь. Замба был любим всеми родственниками. Как недавно и так неожиданно осиротевший, он тем более вызывал к себе хорошие родственные чувства. Несмотря на то, что денег у вдовы Джалгановой было достаточно, каждый родственник старался облегчить ей свадебные расходы.

В саду, на островке, на травянистой целинной полянке меж яблонь и вишен, поставили для молодых большую белоснежную кибитку из лучших полстей. Все три тканые шерстяные пояса кибитки были густо унизаны разноцветной матерчатой бахромой. Голубой шелковый балдахин висел уже над местом, где должна быть постель молодых. Дорогой бухарский ковер лёгал там, где должны быть сложены сундуки с приданым невесты.

В суете и волнении собирался Замба на свою свадьбу. Всеобщее возбуждение заражало и его. Вороной, лысый, белоногий красавец пятилеток — полукровный дончак, год тому назад купленный за хорошую цену покойным отцом для вы-

\*) См. «К. Г.», № 12.

ездов Замбы, был специально выдержан к свадьбе на овсе и имел хороший уход.

Когда вороного оседлали новеньким офицерским седлом в изящной серебряной отделке, надели черные пахвы и нагрудники в серебре, и рабочий подвел его к крыльцу, все мужчины заговорились прекрасным конем Замбы. Конь был на загляденье даже в Сальском округе, в царстве коней.

Когда Замба, одетый в хорошо сидящий чеченский бешмет, туго подтянутый черным казачьим пояском, весь в позолоченных серебряных украшениях, и в изящной казачьей фуражке из лучшего кастора, вышел из дому и, ловко вскочив на беснующегося вороного красавца, загарцовал по двору, все родные восхищенно приветствовали его. Послышалось:

— Эх!.. Что за конь и что за молодец наш Замба! Слава покойному Бембе, что вырастил такого сына и коня такого приготовил!..

Рослый, плечистый, с мужественным, чистым и смуглым лицом, с выразительными и умными черными глазами под правильными густыми бровями, Замба, действительно, был типом симпатичного молодого калмыка. Недаром он был популярным кавалером у ростовских гимназисток.

На чудном и картинно гарцующем вороном коне, в дорогом уборе и в сверкающих белых чулках, одетый в оригинальный костюм наездника, Замба выглядел очень интересным.

Во главе двух десятков тачанок, запряженных легкими и подобранными парами и тройками дончаков, среди десятка верховых парней, в тихое летнее утро, въехал Замба во двор Саладжи — отца невесты.

Первое, что заметил Замба во дворе тестя, была высокая, стройная фигура девицы в голубом бешмете, в муравьиной тальи стянутая золотым позументовым кушаком, в черной, круглой бархатной шапочке, расшитой золотыми листьями. Она шла со стороны амбара или погребка к дому через двор, но остановилась, чтобы не пересекать дорогу въезжающему свадебному кортежу.

У Замбы чаще забилося сердце. Хоть и давно не видел, но он сейчас же угадал в ней Зермяш. Не шаловливой девчонкой-школьницей, а прекрасной барышней предстала она перед ним. Он угадал те же ласково насмешливые большие черные глаза, обрамленные густой и нежной каймой ресниц. Желтовато-белое лицо цвета слоновой кости, как нельзя лучше гармонировало с черными глазами, под правильными бровями — миниатюрными крыльями распростертой ласточки. Роскошная черная коса змеей блестяла по спине.

Встретившись глазами с Замбой, девица чуть

заметно приветливо улыбнулась, и ее губы неслышно прошептали слово приветствия.

Щекочущие мурашки пробежали по телу Замбы, внутренний радостный трепет залил лицо теплой волной крови; он вежливо ей поклонился и тут же удивился про себя, — как это его невеста до сих пор не скрылась по обычаю со двора и как она решается публично показываться ему, да еще здороваться!?. Он помнил, что Зермяш росла смелой девочкой, но такого резкого нарушения обычаев он не ожидал..

— А хороша твоя шурячка, Замба, что ты скажешь? — проговорил парень, ехавший рядом с ним.

— Какая шурячка?.. О ком говоришь? — удивленно спросил Замба.

— А та, что стоит там... Зермяш, ты разве не угадал ее? Ты же поклонился ей?!

— Зермяш!?. Но она — моя невеста! — чувствуя, как накачивается на него что то до тошноты неприятное, воскликнул Замба.

— Ой, не бредишь ли Замба?.. Твоя невеста — Харлаш, старшая сестра Зермяши. Зермяш — твоя шурячка. Разве невеста так показалась бы нам?.. Это тебе не Ростов! — с удивлением воскликнул товарищ.

Белый свет помутился в очах Замбы. Радость, только что пережитая при виде Зермяш, неожиданно сменилась отчаянием, сознанием того, что произошло в его жизни нечто дикое и непоправимое. Путаница была настолько ошеломляющая, что Замба потерял дар речи и, с силой рванув ворот бешмета, с шумом испустил из груди весь сжавшийся там воздух. С побледневшим лицом, он остался неподвижно сидеть на коне, тогда как другие уже слезли и привязали коней к длинной ясли на току Саладжи.

— Жених, что-ж сидишь на коне? Слезай, не робей, на тебя сегодня все взоры, будь молодец! — громко обозвал его старшина свадьбы, один из старших и почтенных родственников Замбы.

— Дядя, позовите сестру и мать, зятя и сами идите сюда. Имею сказать важное, — ответил ему Замба, слезая с коня.

Собравшимся к нему ближайшим родным Замба заявил, что они напутали и засватали ему не ту девицу. Зермяш, которую он имел в виду, оказалась его шурячкой, а о существовании у нее старшей сестры, которую ему засватали, он не знал вовсе и в глаза ее не видывал.

Открытие опечалило всех. Все выражали сожаление, но никому не представлялось возможным менять дело. К тому же выяснилось, что на днях и Зермяш просватана в другой хутор. В утешение Замбы все говорили, что и Харлаш

девица достойная и понравится ему. Но разговорам пожила конец мать Замбы:

— Значит, так суждено свыше. Да будет нам на счастье Харлаш. Разговоры теперь вредны. Никто больше ни слова по этому случаю пусть не произносит. Я засватала для сына Харлаш. Я сжилась с мыслью видеть ее моею невесткою. Я ее люблю и ничего больше не знаю. В путанице виноват сам парень; он мог назвать имя девицы, а то сказал: «везите раку в дом Саладжи». Он мог знать, что пока не сватана старшая сестра, к младшей не сватаются, если эта старшая не засиделась дальше нормального. Кто-ж знал, что двадцатилетний парень не знает девиц своего хутора?! Теперь узел такой завязан, что ни распутать, ни разрубить нельзя. Старшина, прикажи готовиться к вносу угощений в дом сватов».

У Замбы все кипело возмущением, но он видел свое бессилие изменить ход дела. С его желанием уже не считались. Даже если бы он сел на коня и ускакал домой, то и без него невесту привезли бы. Душа его заняла от горя, стройная фигура девицы с лицом слоновой кости и бездонными теплыми глазами мелькала перед его взором, но жениться он должен был на какой-то неведомой ему Харлаш.

Калмыки часто дают имена, которые соответствуют внешнему облику человека. Имя — Харлаш не мог носить человек с светлым лицом, а только человек, отличающийся особенной темнотой лица, как имя — Зермяш не могла носить девица с узкими не выразительными глазами. Поэтому Замба уже заранее мог судить некоторым образом о наружности невесты. Харлаш могла быть девицей только чернолицой и грубоватой.

Тяжелой и лифней канителью показалась ему вся эта свадебная шумиха и все беспокойства последних дней. Видя убитое горем лицо жениха, главного виновника торжества, приуныли и его товарища. Смолк говор, шутки и смех. Женхова сторона свадьбы, обычно торжествующая, быстро была охвачена странным для посторонних равнодушием, тишиной и вялостью.

Точно во сне, машинально выполнял Замба требующиеся от него традиционные правила! Побывал на приеме свата жениховой стороны, во время которого он сидел у порога, согнув по-калмыцки ноги, и почтительно поднес свою долю раки старейшему в доме мужчине и выслушал его напыщенные пожелания счастья и долголетия молодым. В обедах, при обмене подарками, надел из рук тещи черный шелковый бешмет и подпоясался синим шерстяным кушаком, сел традиционный кусок баранины и выпил бульон. Выполняя все, что от него требовалось, когда сваты начали вольно гулять -- пить и

есть, Замба вышел из дому. До «вечернего полудня» (около 4-х часов), он не был нужен.

Свадебное торжество происходило в большом глинобитном флигеле Саладжи, а в новом небольшом деревянном домике было безлюдно и тихо. Как только Замба вышел из флигеля и направился к своему кошу на току, из дома вышла Зермяш, приветливо улыбаясь, подошла к Замбе и первая заговорила:

— Здравствуйте «зять-брат», да будет вам на счастье подарки. Бешмет этот я шила и боялась, что будет велик, но, вижу, как раз. Пойдемте в дом на чашку чая. Эта ваша свадьба так быстро совершилась, что мы даже не успели ближе познакомиться. Но вы меня помните? Помните, как я вам в школе досаждала и как вы раз побили меня?.. Какая я была противная девчонка!..

Радостно ее слушая, Замба вошел за нею в дом. В маленькой комнатке, очевидно, комнатке сестер, убранной коврами, иконами и горой подушек, с вышитыми наволочками, на широкой кровати из дутого и лакированного железа с металлическими шариками и палочками, был накрыт стол. На белой скатерти шумел никелированный пузатый самовар, стояли стаканы в подстаканниках, тарелка с печеньем и конфетами и бутылка красного цымянского вина.

— Я не хотела подавать вам чай в зале, куда заходят старшие, это наша с Харлаш комната, здесь уютнее, — сказала Зермяш, поймав взгляд Замбы в сторону закрытой двери в залу.

Развязно болтая и весело смеясь, Зермяш налила Замбе чай, придвинула печенье и налила два бокала вина.

— В вашем свадебном подарке не хватает еще одной вещи, разве не замечаете?

— Нет, а что еще должно быть? Я же не знаю наших обычаев, — впервые заговорил Замба, до сих пор молчавший.

— За поясом должен быть платочек! Но не думайте, что наша мама забыла. Это я упростила ее, чтобы мне самой дополнить этот недостаток. Мама знает, что я зазову вас — с этими словами, Зермяш открыла пеструю шкатулку и вынула шелковый голубой платочек, вышитый желтыми шелковыми нитями. По углам платочка были инициалы его и невесты, дата свадьбы.

— Дорогой моей сестре и зятю-брату желаю много счастья! — серьезно сказала она, повязывая ему за пояс свой подарок.

— Милую сестру-шурячку благодарю за симпатичный подарок... Эта минута самая незабвенная в моей свадьбе, — искренне ответил Замба, пожимая ее ручку.

За чаем и щebetаньем Зермяш, которая неумолкала, легко переходя с темы на тему, Замба забыл о своем горе, о том, что в хате рядом

протекает его нелепая свадьба. Зермяш не только овладела его вниманием, но и очаровала его милой простотой, живостью разговора и симпатичной наружностью. Невольно и Замба ожил.

— Ну, а когда твоя свадьба Зермяш? — спросил он, вспомнив, что она уже засватана.

— Не раньше года. Не может мой отец в год две свадьбы сыграть.

— А как жених... нравится?.. Теперь мы с тобой близкие и хорошие родственники, так что между собою будем откровенны, — продолжал Замба.

— Что я могу сказать?.. Меня не спрашивали. Видела я его всего раз на весеннем престоле в хуруле. Парень как парень. Очевидных недостатков нет. Мал ростом, зато лицом пригож. Больше я ничего не знаю. Чужой парень, незнакомый. Такова наша девичья доля. Ведь и вас Харлаш не знает. Я ей рассказывала про вас, да и то по школьным годам. А где вы видели Харлаш или вас также не спрашивались?.

На языке Замбы завертелось было излияние всего, что с ним случилось, но, подумав, сдержался. Правду он нашел тут излишним, и он тихо сказал:

— Твою сестру я ни разу не видел и не знаю, какова она.

— Правда??? Я этого не думала. Значит и вас за глаза!?. Впрочем, верно, так и надо! Ведь вы не выходите из своего острова. И как вам не наскучивает такая жизнь? Наша хуторская молодежь так весело живет! Часто вечеринки, поем, танцуем, игры затеваем, все между собою знакомы, а вы до самой свадьбы не показали на хуторе. Я вас часто вспоминала. А как мне хотелось ехать с вами в Ростов, вместе учиться!.. Но родители нашли, что на девушку нет смысла тратиться, все равно чужие люди увезут, и так будет хороша!.. Скажите, правильно это?.. Есть же родители, которые отдают и девушек в большую школу?..

Целых три часа просидел Замба в разговоре с Зермяш и не заметил, как двор постепенно заполняется пьяными людьми, как давно уже безпрерывно льется пение и в открытое окно врываются гики танца.

— Скажи, Зермяш, правду, хоть и поздно спрашиваю, — решился наконец Замба задать занимавший его вопрос, — сестра твоя такая же, как ты?..

— Харлаш?! Нет, сестра другой человек. Меня мама часто ругает за мой язык, за характер, за то, что люблю рядиться. А Харлаш у нас человек очень добрый — молчаливый, застенчивый, мягкий сердцем. Слова резкого никому не скажет, хозяйствовать она умеет хорошо. Куда там, Харлаш далеко лучше меня. А лицом и ви-

дом?.. Ну, «не лицом муж счастлив, а умом» — говорится у нас. Да и лицом наша Харлаш не урод, но на меня не похва — уклончиво отвечала Зермяш, подчеркивая лучшие качества сестры.

В это время раздался под окном топот лошадиных ног и шуршанье колес. Зермяш выглянула в окно и поблденела. Нежные крылья ее носика задрожали и порозовели, терновые очи заблестели слезой, и она, упав головой на стол, заплакала.

— Почему плачешь?! В чем дело? — забеспокоился Замба.

— Идите уж; поехали за сестрой; увезут ее скоро из дому; жалко, — проговорила она, продолжая плакать.

Замба услышал, как его товарищи, шумно перекликаясь в общем гаме, ищут его по двору, ведя его коня. Он поблагодарил Зермяш за угощение, за подарок и доброе отношение, попросил непременно и чаще бывать у них и выбежал.

Невесту свою, покрытую желтым шелком, во весь девичий голос ревущую и подсаживаемую силой на коня, Замба не смог увидеть и при самом увозе.

Только когда он приехал домой и подехал к своей кибитке, впервые увидел Харлаш. Девушка была до черноты смугла, круглолица, росла и полнотела. Несмотря на придавленную специальным корсетом грудь, затянутую талию, ее женские формы явно выпирали из под черного шелкового бешмета. Со скучающим выражением на некрасивом лице, с маленькими глазенками и тупым носом, со следами слез, стояла она у правого порога, ожидая церемониального ввода ее в кибитку. Вокруг нее толпились девицы и молодницы, и некрасивее ее не было ни одной.

Расслабляющая неприятность разлилась по телу Замбы от вида своей невесты. Ничто в ней, хотя бы отдаленно, не напоминало Зермяш, которая за три часа, проведенные с нею, властно заняла все его думы.

Отдав коня работнику, Замба вбежал в дом, заперся в своей комнате, упал на кровать ничком и зарыдал...

На дворе раздавались радостные голоса, там и сям лилась песня, слышно было, как приехали и уехали ночью сваты, слышал Замба, как молодницы искали его, а он все лежал в безрадостных думах. Только к полуночи нашли его, заставили открыть дверь, и молодницы повели его в кибитку к невесте, уже обряженной в дамский наряд...

Жизнь Замбы сделала еще один изгиб. Начиналась безлюбовная, скучная, однообразная семейная жизнь. Характеристика, данная сестре Зермяшей, была точна. Зная, что Харлаш ни в чем не виновата, что она старается угодить ему

во всем, Замба научился молча терпеть жену, не обижая ее.

Только и радости бывало, когда приходила к ним в гости Зермяш, вносящая в их дом смех, говор и живость. Видя это, Харлаш и тут старалась угодить мужу, все чаще вызывая к себе сестру под разными предлогами.

Об ошибке матери, о своей любви к Зермяш никогда Замба ей не сказал. Они были уже родственники и такие разговоры между ними были бы не уместны. Молчала и Зермяш. Но происшедшая роковая путаница при сватовстве, взаимные чувства Замбы и Зермяш, ни для них самих, ни для посторонних, не были секретом. Все знали, что положение создано неизменное, случайно запутавшийся клубок ни распутать, ни разрубить нельзя.

Через год, в качестве одного из почетных лиц среди родственников невесты, Замба гулял на свадьбе Зермяш и сделал ей самый лучший и дорогой подарок — пару вороных дончаков в новенькой тачанке. Для близкого и богатого родственника такой подарок был не удивителен. Было несколько странно, что Замба так горько льет слезы, выдавая замуж сестру-шурячку. Но хуторяне знали, что происходит в душе Замбы.

В том году вспыхнула Великая война. Она несла для жизни Замбы новый неожиданный изгиб.



Народы России хлебали горечь из полной чашки революции.

Громадный калмыцкий беженский табор, где смешались, как птицы на перелете, жители всех станиц и хуторов, в близком тылу подвижного казачьего фронта зимой 1920 года занимал большое мужичье село — Лопанка.

Калмыцкий конный полк Донского корпуса спешно приближался на ночлег в Лопанку, после катастрофически неудачного похода Донской конницы на Торговую, когда внезапно налетевший на Лопанку корпус Буденного занимался резней калмыков в беженском таборе, преимущественно — стариков, женщин, детей и инвалидов.

Горы окровавленных трупов нашел здесь наутро калмыцкий полк после ухода буденновцев. Из многотысячного табора избежала пленения лишь половина.

Спаслись только те, кто успел выступить в последнюю минуту перед приходом большевиков или кто сумел удачно спрятаться до ухода их. Вся остальная плененная масса была вырезана.

Есаул Замба Джалганов, командир сотни калмыцкого полка, с двумя казаками, неутомимо раскидывал кучи трупов, сложенных по мужичьим дворам, базам и сараям, ища жену и сына.

При нем была Зермяш, нашедшая среди убитых своего мужа, находившегося на поправке после ранения среди беженцев. Зермяш спаслась тем, что дала квартирной хозяйке пять золотых монет и обещала еще пять, если она ее хорошенько спрячет и спасет от большевиков. Хозяйка положила ее в постель под перинами, а спереди легла сама, притворившись больною тифом.

Много-много попало Замбе трупов его хуторян, станичников и просто знакомых из соседних станиц, но Харлаши и сына он все не находил. Уже казалось ему, что они избегли смерти и выехали с беженцами. Но Зермяш уверяла, что сестра не могла успеть выбраться, так как жила с того краю села, откуда внезапно вошли красные.

Наконец, в предпоследней партии трупов, в беспорядке разбросанных по двору мужика, у самой стенки мелькнула в глазах Замбы хорошо знакомая зеленая шуба. В два прыжка очутившись над нею, Замба угадал Харлаш. Она лежала на право боку. Левая рука позеленевшими пальцами упиралась в снег. Правая была положена под голову ладонью к щеке. Из разбитого левого виска, стекая вниз, кровь запекалась черной сосулкой, закрыв глаза и переносицу.

— Бедная, прекрасная моя Харлаш, — прошептал Замба и, приподняв ее верхнюю руку, раскрыл полу шубы. Не то стон, не то мычанье от нестерпимой боли вырвалось из груди Замбы. Он резко выпрямился, отшатнулся и машинально правой ладонью прикрыл глаза. Был он старым обстрелянным воином и не из трусливых офицеров. Много раз видывал смерть, сам трижды был ранен в двух войнах, в каждом бою подвергал жизнь опасности, но и то его сердце содрогнулось пред тем, что он увидел: под рукой Харлаш, под полую ее шубы, прижатый прямо к голому животу матери, лежал его маленький сын, в одной рубашонке, и с разможенной головой...

Присев на корточки над трупом жены и сына, Замба громко разрыдался, беспомощно мотая головой и скрежеща зубами. В стороне от него всхлипывала Зермяш, не имея сил подойти и посмотреть на сестру и мальчика.

Казалось, что Замба не встанет, не отойдет от трупов жены и сына, но многолетняя служба и сознание ответственности вывели его из положения. Подошел к нему вахмистр его сотни и, взяв под козырек, спросил:

— Прикажете, господин есаул, рыть отдельную могилу или разрешите похоронить в общей?..

— В общей.. Что делает сотня, Урсяков?..

— Хороним мертвых. Уже четвертую яму занимаем.

Замба медленно поцеловал жену в окровав-

ленный и мерзлый лоб, поцеловал сына в посиневшее лицо, взял его на руки и, пошатываясь, вышел со двора. За ним два казака понесли Харлаш. Держаясь за полу сестриной шубы, шла с ними и Зермяш. Ее муж был уже похоронен.

Когда яма была заполнена трупами и согнанные для работы мужики стали засыпать их землей, Замба, до сих пор неподвижно стоявший у ямы, резко повернулся и пошел к коню.

Пошла за ним и Зермяш. Когда Замба, приняв коня от вестового, хотел было сесть, Зермяш спросила:

— А как быть мне, Замба?.. Муж убит.. Вы один.. Никого..

Зермяш осеклась и замолчала. Дико вытаращенными глазами смотрел на нее Ямба. Не то страх, не то крайнее удивление выражал его взгляд. Долго молчал он, что то раздумывая.

Из густых ресниц, поднявшихся не то в страхе, не то в мольбе, смотрели на него большие черные глаза Зермяш, которую еще до этого дня, все годы неизменно продолжал в тайне любить. Но в эту минуту, когда не по их вине, несчастье снесло между ними все преграды, и они, любящие друг друга, были свободны, она ему показала далекой и чужой. Молчаливая, скромная и по собачьи преданная Харлаш, погибшая обнимая сына, сразу вытеснила из души Замбы всех и все на свете. И кощунством показалось ему думать после такой ее гибели о жизни, о любви. В жизни Замбы Джалганова произошел еще один неожиданный изгиб.

— Какая теперь жизнь, Зермяш?.. Я хочу только мести своими руками. За мою Харлаш и сына я сниму много голов, пока не положу свою. Если ты хочешь снова налаживать жизнь, то иди в табор беженцев.. Меня забудь.. Я обречен..

— Сотня готова, господин есаул! — доложил подскакавший вахмистр. Замба сел на коня и поехал к сотне..



Целый день, с переменным успехом, шел бой между казачьей и красной конницей у станции Егорлыцкой. Громадные массы всадников густыми лавами то накатывались друг на друга, то расходились, там и сям черными точками оставляя по полю убитых людей и лошадей. С тылов вырывали жертвы в лавах пушки.

Калмыцкий полк с утра был на левом фланге

и, при поддержке бронепоезда, готовился к встрече значительной колонны конницы, явно намеревающейся обрушиться на этот фланг казаков. Когда эта группа красной конницы отошла и атаки красных на правом фланге участились, калмыцкий полк перебросили сюда, на запад от Егорлыцкой.

Когда густая лава красных, вися на хвосте всадников Барбовича, спустилась с бугра, на встречу ей вылетела лава калмыцкого полка.

Сотня Замбы Джалганова была лучшей в полку. Ее атаки, стремительность и строй ее лавы командир полка полк. Тепкин издавдалека отличал от атаки и лавы иных пяти сотен. Интеллигентный, спокойный и храбрый, пользующийся в своей сотне большим авторитетом, и сам есаул Джалганов был лучшим офицером в полку.

И на этот раз сотня Джалганова сжатой лавой быстро оторвалась вперед. Пока красная лава остановилась, повернула и развила обратный бег, сотня Джалганова была уже на хвосте врага.

Полковник Тепкин, скача со штабом впереди полка посредине, заметил, как крупная и приметная фигура Джалганова, в черной дубленой шубе, в серой папаче, на здоровом темносером коне, первой дорвалась до задних всадников красной лавы. «Ну, Джалга отведет душу на краснюках после Лопанки за жену и сына», — подумал командир..

Когда буденновцы, то там то здесь оставляя порубленных, оторвались от лавы калмыцкого полка, и сотня Джалганова остановилась, командира ее не оказалось. Пущенный вслед за красными раз'езд нашел Замбу Джалганова в полуверсте от того места, где остановилась лава его сотни. По пути лежали четыре красноармейских трупа с характерными следами джалгановской шашки. Замба любил рубить не сверху вниз с потягом к себе, как рубит большинство, а по горизонтали, как снимают верхушку арбуза. Молниеносный удар наотмаш справа налево и меткий укол влево, прямо в горло, был излюбленным приемом Джалганова.

В нескольких десятках шагов от красноармейских трупов, с тремя пулевыми ранами в живот и с шашечной раной на голове, лежал уже остывающий труп есаула Замбы Джалганова. Земная жизнь Джалганова сделала последний изгиб.

С. Бальков.

В связи с яростной кампанией, начатой некоторыми «вождями» против Донского Атамана, мы вынуждены были дать исчерпывающую информацию по этому вопросу и увеличить размер журнала. Это нарушило все наши сметные предположения, а потому мы обращаемся с настойчивой просьбой ко всем нашим друзьям и читателям помочь присылкой стоимости журнала. Это поможет нам своевременно выпустить следующий номер журнала.

Редакция.